

Новогодняя комедия

Галия Мавлютова

**Праздничный
патруль**

Новогодняя комедия

Галия Мавлютова

Праздничный патруль (сборник)

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мавлютова Г. С.

Праздничный патруль (сборник) / Г. С. Мавлютова — «Эксмо»,
2015 — (Новогодняя комедия)

Да что же это происходит в полиции накануне Нового года? Высокая и красивая блондинка вышагивает на шпильках по отделу, наивно хлопает глазами и задает глупые вопросы. Отправлялась бы восвояси – в модельный бизнес, например. Но нет, именно ее, Алину Кузину, назначают расследовать гиблое дело об угоне иномарок. Алина ищет, ищет – и находит. Нет, не бандита, а возлюбленного, с которым до самой новогодней полуночи ей предстоит сидеть в засаде. Справится ли влюбленная блондинка – и со своими чувствами, и с заданием?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мавлютова Г. С., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Праздничный патруль	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Галия Мавлютова

Праздничный патруль (сборник)

© Мавлютова Г., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Все действующие лица и события вымышлены, и любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Праздничный патруль

За ночь подморозило. Тротуары припорошило ледяной пылью. Мужчина среднего роста, среднего возраста и средней упитанности торопливо направлялся в отдел полиции № 133, располагавшийся в старинном здании еще с дореволюционных времен. Он прошел мимо поседевших за ночь машин и уже ступил на крыльцо, как вдруг поскользнулся и едва не упал, но удержался.

– Костян, держись! – послышалось сзади.

Мужчина обернулся. К нему бежал его двойник. Весь в черном, включая ботинки и куртку, с бритым затылком и чуть покрасневшим от мороза носом.

– А-а, Слав, это ты, – сказал Костян и принялся чистить подошву ботинка о край ступени.

– Я, а кто ж еще?

Они постояли, пошмыгали носами. Перед Новым годом грянул мороз. С непривычки было зябко и нервно. До вчерашнего дня в городе держалась плюсовая температура.

– Костян, слышь, а кто это?

Оба оглянулись и посмотрели на спешащую к отделу девушку в коротенькой курточке.

– Это? Это д-д-дура! – заявил Костян, чрезмерно напирая на букву «д».

– Почему д-д-дура? Симпатичная. Я бы сказал, влекущая, – запыхтел Слав, проводя указательным пальцем под носом, чтобы скрыть смущение.

Оба смотрели на девушку и ждали, когда она поравняется с ними. Высокая, белокурая, в джинсах в обтяжку и на высоких каблуках, девушка привлекала внимание. Было в ней что-то детское и порочное одновременно. Заметив повышенное внимание со стороны мужчин в черном, девушка зацепилась каблуком за бордюр и покатила по обледеневшей дорожке.

– Я же сказал – дура! И точка.

Мужчины хмыкнули, резко развернулись и вошли в отдел. Девушка резво вскочила и, отряхнув джинсы, продолжила утреннюю пробежку на каблуках. На ступенях крыльца она оглянулась. Утро началось неладно.

* * *

– Товарищ полковник!

– Я пятнадцать лет товарищ полковник! Не упрямясь. Ну, куда ее еще девать? Она у штабных не прижилась, теперь к нам прислали, чтобы вакансию закрыть, а то ведь сократят. У нас же сокращение грядет! Бери-бери, не сопротивляйся. А что ты против нее имеешь? Интересная девица, ноги до ушей, модельная внешность...

Константин Петрович понял, что полковник над ним издевается, хотя и делает вид, что заботится о сокращении числа преступлений на территории района.

– Товарищ полковник!

– Да что ты заладил, полковник да полковник! Не спорь, Костя! Знаешь, я тут прихворнул, так что поедешь вместо меня на заслушивание.

В этом месте Батанову стало реально плохо. Значит, просьба о переводе смешной девицы в угонную группу была всего лишь прелюдией. Более серьезная информация поступила позже. На заслушивание ездят исключительно начальники отделов. Болезни, отпуск и даже развод с женой во внимание не принимаются и уважительными причинами не считаются. Из отпуска вызывают, с больничной постели поднимают, с женой приходится мириться. Некоторые после заслушивания про развод забывают. Так и остаются семейными до конца своих дней. Батанов потерял правую сторону груди.

- Сердце – в левой стороне, – вежливо подсказал начальник отдела.
- Александр Николаевич! – почти взвыл Батанов.
- Да, не забудь подготовиться к заслушиванию. Документы у секретаря. Свободен!

Александр Николаевич, не глядя на Батанова, набросил шинель и выскользнул из кабинета. И поминай, как звали. Константин Петрович потерял левую сторону груди. Точно – сердце там. Забыл, где оно находится. Ничего, в управлении помогут вспомнить про все органы. После заслушивания можно будет по памяти пересчитать все косточки. И ведь каждая имеет свое название. Батанов чертыхнулся, вспомнив, что ему почти насильно добавили в группу по борьбе с угонами еще одного оперативника. Точнее – оперативницу, ту самую, что свалилась утром на дорожке перед крыльцом. Константин Петрович вздохнул и побрел на второй этаж. Перед глазами рисовались картины, написанные кистью клиента психиатрической больницы. Батанов ездил туда не так давно по оперативным делам. Доктор продемонстрировал ему шедевры изящной живописи. После той экскурсии Батанова три дня мутило. И сейчас замутило, как будто он снова попал на выставку в психбольницу.

* * *

Алина Кузина осмотрела рабочий кабинет. Стол, стул и табуретка. На столе стационарный компьютер первого поколения. На стене деревянные полки с карточками учета. На подоконнике чайник и пустая чашка. Не густо. В скучном и сером пространстве от тоски быстро взвоешь. Алина вздохнула. Все идет наперекосяк. Жизнь явно не удалась. Скоро Новый год. Город погрузился в праздничную суету. Магазины и бутики зазывают яркими огнями, предлагая ненужные товары втридорога; повсюду лезут в глаза нарядные пакеты, коробки, яркие ленточки, фольга, мишура. Люди, словно слегка помешанные, бегут, спешат, задыхаются...

Алина сердито фыркнула. А у нее незадача. С кем встречать Новый год? С мамой скучно. Поели, помолчали, послушали президента и легли спать. Вот и весь Новый год. С друзьями? Так друзей нет. Ни одного. С подругами можно кофе попить, но просидеть с ними новогоднюю ночь целиком представляется абсолютно невыносимым занятием. Впрочем, можно встретить Новый год на работе. Нужно попросить, чтобы поставили в график, и все – проблема решена. Так ведь не доверят, скажут, молодая еще, неопытная... Нет, с таким предложением высываться нельзя. Не поймут. Ничего не поделаешь. Ах, если бы поставили дежурить, то-то оперативники обрадовались бы. Они не любят дежурить по праздникам. Новый год для них – святое. Алина покусала губы. Не срастается. Во-первых, она простой учетчик, аналитик, во-вторых, мама обидится. У той тоже с подружками неважно. Какие-то они обе с задвигами. Ни друзей хороших, ни подруг. Каждая сама по себе. Психологи говорят, если не скучно наедине с собой, это признак самодостаточности. Вряд ли... Отсутствие дружеских связей – скорее признак самовлюбленности. В любом случае, мужчины останутся обездоленными. Женщины просидят по домам в одиночестве, все такие самодостаточные, а мужчин бросят на самотек.

Алина засмеялась. Смех прозвучал грустно, но громко и, гулко ударившись эхом по потолку, испуганно затих. Девушка инстинктивно сжалась и подавила вздох. Нечего вздыхать. Надо работать. Счастье женщины в труде. Если на работе все хорошо, значит, и в любви повезет. Женщины-карьеристки на жизнь не жалуются. Мужчины, мужья, женихи – от бога, а работа, квартира и образование напрямую зависят от усилий конкретной девушки. Алина поморщилась. Пока что из вышеперечисленного есть только образование, и то полученное с маминной помощью. На работе странное положение. Оперативники не доверяют Алине. На задержания с собой не берут. Спрашивают только карточки учета, а она как библиотекарь, раздаёт их под подпись, а после собирает по кабинетам. За дверь послышались приглушенные голоса. Алина прислушалась.

- Передай это дело вон этой, ну, супераналитику!

– Кузиной, что ли?

– Ну да!

– Да от нее толку, как от козла молока...

– Она не козел. Она девушка. А зачем тебе ее толк? Пусть бестолочь. Не нам же с этим делом возиться? Руководство спросит, где оно, мы и укажем адресок.

– Ладно, посмотрим, – пробурчал недовольный голос.

Алина похлопала глазами. Нехорошо подслушивать. Это не честно. С другой стороны, не подслушай она, не узнала бы, что о ней говорят коллеги. Один голос явно принадлежал Косте Батанову, второй Славе Дорошенко. Оба из угонной группы. Внешне их не отличить, они, как два брата-близнеца, и оба крутые, как гора Эверест в квадрате. Разумеется, Алине хотелось, чтобы в словах «угонщиков» слышались нотки восхищения красотой и умом необыкновенной Кузиной, но, увы, мужчины к галантности и комплиментам явно расположены не были. Они разговаривали на суровом языке. И пусть. Пусть говорят. Зато ей достанется безнадежный «глухарь». Впервые доверят важное мужское дело. Наверное, угнали иномарку какого-нибудь олигарха, вот опера и разнервничались.

Алина еще раз осмотрелась. Почти голые стены, чайник без воды и скучный компьютер. В полиции нет Интернета. Выход в социальные сети запрещен. Официально разрешены серверные вылазки по службам и ведомствам. Оно и правильно. Нечего зависать на чужих постах. На просторах Сети умных мыслей мало. Нынче все чужими пользуются. Никто не хочет напрягаться.

* * *

Алина потрогала ушибленную коленку. Больно. Ничего, до свадьбы заживет. Нужно успокоиться. Тогда дело лучше пойдет. Лейтенант Кузина уже неделю корпела над созданием картотеки ранее осужденных по угонам. Карточку туда, карточку сюда...

Кузина едва успела разобрать стопку новых требований информационного центра, как в дверь постучали.

– Занята? – спросил Константин Петрович Батанов, сурово сдвигая брови.

Алина знала, что Батанов добр, как богомолец на послушании, но тщательно скрывает, считая доброту ужасной слабостью, не достойной настоящего мужчины.

«Не поздоровался, – подумала Алина, – хам он и есть хам. Каким бы добреньким не был. А еще начальник!»

– Да, Константин Петрович. Занята.

Она аккуратно сложила стопочки карточек, края ровненькие, как по ниточке протянутые. С операми надо построже. Иначе с землей сровняют. Алина хмурилась и ждала, что еще выкинет Батанов. Не поздоровался – раз. Сейчас начнет «глазки» строить – два. С «глазками» ничего не выйдет. Пусть других поищет. Думает, если начальник, так и здороваться с личным составом незачем. Ни к чему лишние хлопоты. Ну, лень Батанову всякий раз здоровья желать, кому попало. А попалась сегодня на его пути Алина Юрьевна Кузина. Учетчик и аналитик в одном лице. Неудачница и бездельница. Как считает оперсостав отдела, девушка не на своем месте. Бог с ними. Пусть, что хотят, то и думают. Это издержки коллективного сознания.

– Ты что, не в настроении? Не ушиблась? – спросил Батанов.

– Я не ушиблась. Мне не больно. Мое настроение вас не касается. Вы же по другому поводу пришли, товарищ капитан? Слушаю вас!

Кузина уставилась на Костю сверлящим взглядом. Она не узнавала себя. Такая милая девушка, с легкой раскосинкой в глазах, с летящей походкой – и вдруг налетела на хорошего и доброго парня в черном камуфляже. Батанов покраснел от негодования.

– Ты чего взъелась? Давай, работай! – Он повернулся на пятках, но задержался и проговорил сквозь зубы: – Возьми в канцелярии дело. Тебе расписано.

И ушел. Алина смотрела на дверь, мысленно пытаясь высказать все, что она не смогла сказать вслух. Батанов не из тех, кому можно наговорить гадостей. Он начальник. Маленький, но начальник. А маленькие – они хуже больших. Навредят так, что всю жизнь будешь изжогой мучиться. Кузина погрозила двери кулаком, помахала руками, разгоняя злость, и побрела в канцелярию. Там ее ожидала еще худшая напасть. Недаром говорят, хочешь нажить врагов – иди к женщинам.

* * *

В канцелярии Алину не любили, ее там вообще с трудом переваривали. Когда она приходила за документами, коллектив канцелярии в полном составе вставал с рабочих мест и уходил в запойное чаепитие. Женщины пили чай с удовольствием, сладострастно причмокивая и шурша фантиками, и искоса, но нагло поглядывали на Алину, давая понять, что она пришла не вовремя. Кузина крутилась как уж на сковороде, роясь в регистрационном журнале и делая вид, что все в порядке. Покопавшись с четверть часа в бумагах, лежащих на барьере, она ушла с пустыми руками.

На сей раз опасения оказались напрасными. Женщины несказанно обрадовались, увидев Алину, и, разом отставив чашки, всем коллективом бросились к барьеру, разделявшему оперативный состав и канцелярский люд на две половины. Хотя бывало пусть и чрезвычайно редко, эти половины сближались. Всего два раза в год. Десятого ноября и Восьмого марта. В день полиции и день женской солидарности против всего человечества. Алина никак не могла понять, против чего решили солидаризироваться женщины всей страны, пока не догадалась, что они объединяются ровно на один день против мужского шовинизма. Все остальные дни года канцелярия и оперативная составляющая отдела пребывали в состоянии холодной войны с редкими мирными передышками.

– А-а, Кузина! А мы тебя ждем! – радостно вскричала самая старшая из сотрудниц канцелярии.

Крикуню звали Марья Петровна. Пегого цвета, неопределенного возраста – то ли ей за семьдесят, то ли за сорок. Раз на раз не приходится. Сегодня Кузиной повезло. Марья Петровна выглядела сорокалетней, симпатичной и с кудряшками.

– Здравствуйте! – улыбнулась Алина, понимая, что совершает ошибку.

Не нужно было улыбаться. Это ни к чему. Лишнее это. Она здесь чужая. Здесь трудно прижиться. Надо ждать, пока все здесь станет своим. И эта ужасная Марья Петровна, и не менее ужасный Батанов, и все-все-все. А пока они выглядят на одно лицо. Что поделать – режим секретности.

– Вот, держи! – торжествующе произнесла Марья Петровна. – А тут распишись.

Алина, не глядя, поставила подпись.

– Благодарю, – сухо сказала она, стараясь не смотреть в глаза Марье Петровне, но та норовила уловить взгляд девушки.

– Если не поймаешь – уволят!

Алина не обернулась. Она знала, что так и будет. Ей поручили дело, чтобы был повод для дисциплинарного взыскания. Кузина давно знала, что говорят у нее за спиной: дескать, занимает чужое место, инициативу не проявляет, службой не интересуется. Уходит домой ровно в шесть, как будто в канцелярии работает. Алина злилась, но ничего не могла поделать. Она пыталась узнать, чем занимаются мужчины, с чего начинают рабочий день, чем заканчивают, но ничего не поняла, а наблюдения за мужским поведением завели ее в тупик. Так и проживала Кузина целыми днями в своем закутке, стараясь определить, что же ей нужно в этой

жизни. Больше всего Алину злило, что оперативники не замечают ее дивной красоты. Она ведь красавица. Так почему они даже не пытаются добиться ее расположения? Вопрос...

* * *

В детстве Алина посещала кружок танцев и всегда была уверена, что красиво ходит. Не так, как все. Вот и сейчас Кузина вышагивала по коридору, как учили на уроках танцев, пребывая в уверенности, что идет красиво, как по подиуму. Со стороны все выглядело иначе: стараясь быстрее добраться до кабинета, Алина, как цапля, выкидывала поочередно ноги. Вообще-то Кузиной было страшно. Она точно знала, что не справится с заданием. И никто с ним не справится. Оно и мужчинам не по плечу. Алина чуть не заплакала по дороге, но потом спохватилась. Только этого не хватало. Все ждут, когда она расхнычется и начнет жаловаться на судьбу. Не дождетесь! Кузина резко свернула направо. В углу за железной дверью находился кабинет Константина Петровича Батанова. У него секретная работа, ему положена отдельная дверь. Здесь все строго. Сигнализация, барьеры, вертушки.

Алина с трудом пробралась через металлические прутья, хотя они выглядели мирными и безопасными. Постовой подмигнул, мол, проходи-проходи, мы не кусаемся. Кузина подтянулась и стала еще выше. Постучала, потом дернула на себя тяжелую дверь, но та не поддавалась. Алина немного поборолась с неповоротливым чудовищем, но бесполезно: дверь оказалась сильнее. Кругом тишина, ни звука, ни шороха. Как на том свете. Вдруг кто-то рывком рванул дверь на себя, и Алина тяжело ввалилась в кабинет Батанова и... густо покраснела. Напрасно она боролась с тяжелым металлом. Дверь открывалась легко и в противоположную сторону. В небольшом помещении стоял густой запах табачного дыма, казалось, здесь только что курили десяток прожженных курильщиков. Но это было обманчивое впечатление. Здесь курили когда-то давно, много и в затяжку. Сейчас закон никто не нарушал, но запах остался.

В кабинете был полумрак. В низком кресле прикорнул немолодой мужчина. Один глаз полуоткрыт, второй спрятался: непонятно, то ли спит, то ли притворяется. Костян же сидел в начальническом кресле с высокой спинкой.

– Константин Петрович, а что я должна с этим делать?

Алина подала ему на вытянутых руках пухлый том в обложке коричневого цвета.

Оперсостав обращался к Батанову по имени, и только одна Кузина обязана была называть его по имени и отчеству.

– В смысле? – удивился Батанов.

От Алины не укрылось, что его удивление было притворным.

– В смысле – с делом. Вот с этим, – она мотнула головой, демонстрируя коричневую папку.

– Работай! Работать надо. И смыслы сами найдут тебя, – глубокомысленно изрек Батанов и повернулся к мужчине, сидящему в кресле.

– Слышь, Степаныч, какие опера нынче пошли: спрашивают, что им делать, какие-то смыслы ищут, – ухмыльнулся Батанов и подмигнул Степанычу.

– А где опера? Эта, что ли – опера? Это целая опера, а не опера. Костя, так это она теперь будет угоны раскрывать? С такой далеко пойдешь, если полиция не остановит. Тебя с должности турнут, если ты на угоны таких оперов ставить будешь!

Алина со злостью посмотрела на Степаныча. Кто этот человек, что ему надо? Не стесняясь, хамит в лицо девушке. Женщине. Хотя, как говорит Батанов, в полиции нет женщин и девушек, есть только сотрудники.

– Степаныч, так это ж не опер. Она – оперэсса! – глумливо заявил Батанов.

Алина с папкой на вытянутых руках стояла чуть поодаль от мужчин. От обиды что-то дрогнуло в ней, и из папки посыпались неподшитые листы бумаги. Алина бросилась подни-

мать рассыпавшееся дело. Батанов и Степаныч молча наблюдали. Во время этой унижительной сцены раздался оглушительный звонок. Мощный аппарат сотрясался от трезвона. Батанов выдержал паузу и осторожно снял трубку:

– Слушаю.

Алина собрала бумаги и выпрямилась. Внутри ярким пламенем горела обида. Слезы собрались у края век, словно размышляя, вылиться потоком или немного подождать. Подождать. Немного. Алина загнала слезы поглубже и подальше. Нельзя, чтобы мужчины увидели, как она плачет.

– Степаныч, ты посиди тут, а я в дежурку сбегаю. Там проверяющие нагрянули!

Батанов исчез, забыв о существовании Алины Кузиной. Она постояла, недоумевая, что ей делать дальше: выйти или дожидаться Батанова, затем повернулась к выходу. На пороге запнулась и резко обернулась.

– Степаныч! Так что же мне делать с этим? – воскликнула она, вкладывая в слова как можно больше нежности и отчаяния одновременно, рассчитывая растопить этим коктейлем суровое мужское сердце.

– Кому Степаныч, а кому Виктор Степанович! – отрезал обладатель сурового сердца.

– Виктор Степанович, ну, подскажите! Что, вам жалко, да? – заныла Алина, полагаясь на интуицию.

В эту минуту ей казалось, что именно этот мужчина одним словом способен разрешить все ее проблемы. Он с виду невзрачный, смешной, но Батанов перед ним заискивает.

– Девушка, а скажите мне вот что, – Степаныч прищурился, – зачем вы в уголовный розыск пришли?

Алина поняла, что Степаныч ерничает. В уголовный розыск Алину Кузину прислали по разнарядке из ведомственного университета. Она не одна такая. Всего по районам разбросали двадцать девчонок. Сколько на курсе было, столько и распределили по отделам. У кого была волосатая лапа, тех взяли в главки и управления, у кого не было – тех в отделы. Землю месить. Так шутили преподаватели в университете. Впрочем, сначала Кузину отправили на штабную работу и в другой отдел. Но там она не прижилась. Теперь в оперативники зачислили. А что делать – не сказали.

– А что не так? – парировала Алина.

– Да все не так, – вздохнул Степаныч, – могла бы на подиуме выступать. Ноги за деньги показывать. Нынче много желающих посмотреть на такую красоту. Ногатую...

– На подиуме свои звезды, им и без меня тесно, – отшутилась Кузина и подошла поближе к Степанычу.

Тот поспешно отодвинулся вместе с креслом.

– Ну ладно, ладно, – примирительно улыбнулся Степаныч, – тебе поручили дело, ты и занимайся им. Ты теперь – оперуполномоченная!

– Да уж, – поникла Алина.

– Упала намоченная, – заржал Виктор Степанович.

– Упала утром, еще подумала – не к добру, – согласилась Кузина.

– А ты вот что сделай: напиши рапорт своей рукой, дескать, выделите мне в помощь наружные силы, и подпиши у начальства бумагу. Они тебе выделяют подсобную силу. Правда, перед Новым годом с постами сложно, но вдруг повезет.

– А можно обойтись без него? – с надеждой в голосе спросила Алина.

Она не могла представить, каким образом подпишет у начальства разрешение на выделение наружного наблюдения. Этим делом занимаются мужчины. Они знают, куда направить пост, как с ним работать, а она – нет. Алина Юрьевна Кузина еще многого не знает.

– Не-а, – простодушно ослабилась Степаныч, – тебе не справиться без подсобной силы. Знаешь, как раньше их называли?

Алина молчала. Она не знала. На лекциях по оперативно-разыскной деятельности она смотрела в окно и мечтала о предстоящей любви. В голове витали романтические грезы. Тогда казалось, что всегда будет так: лекции, преподаватели, конспекты и рефераты, но не бывает ничего вечного на земле. Романтика закончилась. Не прошло и года, как Алина Кузина столкнулась с суровой действительностью в лице Степаныча и Костяна.

– Не знаю, – протянула она. В голосе прозвучало сожаление.

Напрасно она обратилась к этому старикану. У него же на лице написано, что он из ума выжил. Нужно было подумать самой. Может, чего-нибудь и сообразила бы.

– Их называли просто – Николай Николаевич. НН. Это же так просто! А ты не знала? Эх!

В этом «эх!» слышалось много чего: и сожаление о прошедшей жизни, и воспоминания о погонях, схватках и поединках. Степаныч крепко задумался. Наверное, погрузился в боевое прошлое. Вновь наступила тишина. С улицы доносились неясные звуки: где-то далеко то ли пели, то ли ругались.

– Иди-иди, девушка, напиши рапорт, доложи по инстанции, и ноги в руки, сбегай к руководству, чтобы даром время не тратить. А то будет твой рапорт кваситься в канцелярии месяца два. Время дорого! А ты его теряешь. Упустишь – потом не наверстаешь. Руководство – тоже люди. Они ж не звери. Подпишут.

Кисло улыбнувшись, Алина вышла из кабинета. Степаныч явно жаждал подвести ее под монастырь. Такие документы подписывают только начальники. Оперативники же не вхожи в кабинеты высокопоставленных руководителей. С другой стороны, он так искренне советовал, разговаривал, как с родной дочерью. Рапорт еще нужно составить, да так, чтобы в нем было законное обоснование. У кого бы спросить, как этот рапорт пишется? В канцелярии, может, и подскажут, но нарочно запутают. В этом мире каждый за себя. Здесь не задают вопросов. Ответы ищут сами, и каждый поодиночке. Служба такая.

* * *

В камерке было прохладно. Алина поежилась. Зябко или знобит – непонятно. В любом случае, болезнь не прокатит. Поболеть не позволят. Ни руководство, ни обстоятельства. После болезни сразу отправят в распоряжение кадров. И тогда прощай работа и карьера. Пока найдешь новую работу, то да се, мама с ума сойдет. Алина подошла к зеркалу. Смотрела и не узнавала себя. Она или не она? Не смотрит ли на нее какая-нибудь самозванка? Да, в зеркале ее отражение, просто Алина сегодня немного другая.

Кузина любила себя. Ей с детства нравилось наблюдать за волшебными превращениями: вот выросла на пять сантиметров, на десять; затем начались гормональные изменения, но Алине повезло. У нее все изменилось в лучшую сторону. Из угловатого, но милого подростка она превратилась в изящную девушку с плавными движениями, и хотя лицо было немного удлинненным, но без острых скул. Алина часто смотрела на себя в зеркало. По ту сторону она видела незнакомку, немного странную, но удивительную, абсолютно не похожую на других девушек. Однажды у Алины произошел разговор с матерью – серьезный и довольно неприятный. Мама как-то сказала, глядя на дочь:

– Ну, кто тебя возьмет замуж с такими длинными ногами? Ты же не модель! Такая правильная, чистая. Боюсь я за тебя. Мужчинам нравятся страстные, темпераментные женщины, чтобы переспать разок-другой и все сразу забыть, выкинуть из головы. Или дурнушки, страшненькие, чтобы не изменяли.

– А на каких женщинах мужчины женятся, мама?

Алина смотрела на свои ноги и думала, чем они могут помешать замужеству?

– Мужчины женятся на страшненьких! – с горячностью уверяла мать. – Красивая жена – чужая жена!

Обе синхронно вздохнули. Алина вспоминала, что выросла безотцовщиной, а мать в миллионный раз наткнулась на мысль, что на ней так никто и не женился. Женское счастье обошло ее стороной. Впрочем, вдвоем с Алиной они неплохо жили. Вполне обеспеченно. Алина хорошо училась – и в школе, и в университете, а недавно на работу устроилась. Мама была уверена, что дочь у нее получилась что надо: видная девушка, грамотная, способная. Не гений, но и не дурочка. Если кто полюбит, не пожалует. На том разговор и закончился.

Алина вздохнула и отошла от зеркала. Придется искать решение. Ведь выхода нет, никакого. Кузина сжала кулачки и заставила себя сесть за компьютер. В безвыходной ситуации нужно все делать поэтапно. Сначала сесть за компьютер, пощелкать клавиатурой и для начала составить хотя бы черновик рапорта. Потом можно сходить к Батанову, вдруг он сжалится и поправит текст? Он ведь должен подписать первым. Без его подписи рапорт считается недействительным. Алина повеселела. Где-то далеко в кромешной тьме забрезжил свет. И она с самозабвением застучала по клавиатуре, как по боевому барабану.

* * *

В предновогодье Степаныч зачастил в отдел. Ему нравилось опекать Алину, а она пыталась использовать его участие, чтобы наладить отношения с Батановым и оперсоставом в целом. И ничегошеньки у нее не получалось, хотя в присутствии Степаныча Константин Петрович вел себя по-мужски, был корректен, не хамил и не подтрунивал над Алиной.

– До Нового года осталось три дня. Кузина, ты справишься? – сказал Батанов, размашисто ставя подпись на рапорте.

Алина посмотрела в окно. Пожелтевший пластик, мутный вид, серое небо. Она почувствовала тошноту. Уже ничего не хотелось. Ни карьеры, ни будущего. Умеют мужчины испортить настроение перед Новым годом!

– Да справится она, Костян, справится! – пробасил Степаныч, катаясь в кресле по кабинету. Ему нравилось ездить в офисном кресле взад-вперед, в его молодости не было таких. Степаныч с лихвой наверстывал упущенные возможности.

– Степаныч! – поморщился Батанов.

Константин Петрович заметно волновался. Ему все меньше и меньше нравилась затея Дорошенко. Хотели, как лучше, а получается по-свински. Хотели подставить Кузину, чтобы ее убрали с должности оперативника. По угонам работать некому, но и она не работник. С ней одни сложности. Знать бы, где упадешь... В целом идея была неплохая, но в реальности все складывалось непросто. А если они сами подставятся? Всякое в жизни бывает.

– А чего сразу – Степаныч? Я вижу, что девушка старается, бегаёт туда-сюда, как волчок, а вдруг все срастется?

– Вдруг-вдруг, – продолжал кривиться Батанов, – а если не срастется – мне секир-башку сделают.

– Да кому надо, – отмахнулся Степаныч, – все Новым годом заняты. Не до тебя будет.

Алина стояла в центре кабинета, мысленно удивляясь, как могут мужчины обсуждать ее недостатки при ней? И все-таки это так, они старательно и подробно обсуждали ее, сладострастно обсасывая девичьи косточки и совершенно не замечая присутствия обсуждаемой.

– Я пойду, что ли, Константин Петрович? – сказала она, прерывая мужчин.

– Иди, Кузина, иди, работай!

На лице Батанова отразились такие нечеловеческие страдания, просто какое-то исполненное напряжение. У Алины сжалось сердце от жалости. Что же он так мучается-то из-за пустяков? Кузина впервые осознала, что карьера в жизни отдельно взятой женщины – цель абсолютно второстепенная. Это она еще вчера сообразила, когда до Нового года оставалось целых четыре дня. Сегодня уже три. Как быстро улетает время! Оно бежит и бежит стремглав,

совсем забыв о людях, оставших от него. Сегодня Алина почувствовала, что не просто отстала от времени, а плетется за ним по обочине. И вроде бы все совпадает с ее мыслью, что карьера не главное, что все забудется, и уж точно все пройдет, но нет, ничего не проходит даром. За все нужно платить. Да еще и с доплатой.

Закрыв за собой дверь, Алина вспомнила, что не спросила Батанова, как быть с подписанием рапорта и что делать дальше. Возвращаться в кабинет начальника не хотелось. Алина представила две ухмыляющиеся мужские физиономии и содрогнулась от отвращения. В каморке, сидя за столом, Кузина долго вчитывалась в текст рапорта, пытаясь найти разгадку. Головоломка была еще та. Нужно было сообразить, у кого первого подписать важный документ, чтобы получить желаемый пост.

Угонщики тем временем благополучно чистили район за районом. Сводки пестрели происшествиями об уникальных иномарках, угнанных вместе с дорогостоящей сигнализацией. Телефоны руководства отдела буквально разрывались от трезвонов, прозвонов и дозвонов. Звонили сверху, снизу и даже из середины, требуя срочно разыскать, найти, подогнать, вернуть, конфисковать, чтобы хоть разочек взглянуть на ненаглядную игрушку. Руководство разводило руками и называло пароль: «Кузина!» В течение суток Алина стала восходящей звездой отдела. Владельцы угнанных автомашин охотились за ней, вызванивали ее через дежурную часть, поджидали у входа в отдел, вычисляли.

Кузина поменяла стиль, прическу, стала одеваться, как продавец галантерейного магазина. Не помогло. Ее срисовывали по длине ног. Кто-то распустил слух, что у Кузиной ноги длиннее, чем у победительницы конкурса «Мисс Россия». Нечаянная «звездность» не радовала, а пугала. Алина вздрагивала от любого шороха. Хотелось домой, под одеяло, свернуться в клубочек. Но путь домой был закрыт. Там мама. Она ведь спросит, почему дочь явилась домой в середине рабочего дня. И начнется! Вновь зашумят старые песни о главном. Зачем пришла, почему не подумала раньше, где были мозги, куда смотрели глаза, на кого надеялась, лучше бы я тебя не рожала... В этом месте Алина выпускала на свободу две слезы. Не больше. На третьей останавливалась. Иначе польется бурный поток, и его уже ничем не остановишь.

И вдруг ее озарило. Еще можно все обыграть. Батанов подписал рапорт и отдал ей в руки, надеясь, что Кузину не пропустят в главное здание управления, мол, глупая девушка останется с носом. И Степаныч на это рассчитывал. Он вроде бы опекал, а сам хотел насладиться позором Алины. Нет. Ничего у них не получится. Это не честно! Батанов и Степаныч просчитались. Алина Кузина перехитрит всех. Она шмыгнула носом. Нужно поехать к начальнику самого главного управления. Главнее есть только в Москве. Если не пропустят к нему, то у Кузиной будет основание свалить вину на безжалостную бюрократическую машину: дескать, ездила, сидела в приемной, пережидала очередь, а начальник управления не принял. Не посчитал нужным. И тогда часть беды можно будет перенести на следующий год. Какой там грядет? Козла? Вот на козла и забьем.

* * *

Алина сорвалась с места и уже через пятнадцать минут в полупустом троллейбусе приближалась к серому зданию управления. Кузина ни на что не надеялась. За время работы она ни разу не бывала в главном корпусе. Зато наслышалась, сколько инфарктов получили служивые люди, дожидавшиеся приема. Кузина не собиралась наживать сердечную болезнь от издержек службы. Если уж заболит сердце, то от любви – настоящей. Окутанная романтическими мыслями, Кузина благополучно миновала пост охраны, пробежала по двору и взлетела по ступеням лестницы, ведущей прямо в ад, как ей казалось в эту минуту. И опять-таки она отнеслась к экскурсии в мрачные сени легкомысленно, не причисляя себя к важным лицам.

Секретарь главного начальника долго мусолила рапорт – то подносила к очкам, то отводила руку с бумажкой к окну, одновременно кося подозрительным глазом на ноги Кузиной. Алина инстинктивно подобралась. Она не знала, что еще нужно сделать, чтобы понравиться, но, видимо, сделала то, что надо. Секретарь сквозь зубы буркнула:

– Присаживайтесь!

Алина поблагодарила и уселась в дальнем углу, чтобы не раздражать сердитую женщину. А то передумает и прогонит. В приемной было много народу. Алина оказалась в центре внимания, хоть и сидела поодаль. Она внесла диссонанс в ряды ожидающих аутодафе. И сама приготовилась к страшному действию.

Время тянулось медленно. Никто его не подгонял – все хотели, чтобы оно остановилось. Ожидающие сидели тихо. Иногда дверь тихонько открывалась, из нее угрем выскальзывал очередной человек, непременно красный и потный, и, ни на кого не глядя, исчезал из приемной, на ходу вытирая испарину со лба. Алина неожиданно для себя скуксилась. Железная уверенность, что время все стерпит, не выдержала проверки. Попытка выйти из сложной ситуации оказалась неудачной шуткой. Она уже хотела уйти, но, посмотрев в сторону сердитой секретарши, еще плотнее вжалась в кресло. Глаза перебегали с предмета на предмет, вскоре им наскучило однообразие, и Алина незаметно для себя задремала. Ей приснилась другая жизнь. Она идет по нарядным предновогодним улицам и мечтает о любви. Больше не нужно напрягаться, думать о служебных неурядицах, бежать наперегонки с судьбой навстречу неприятностям. Она свободна! Скоро Новый год. Нужно успеть выбрать красивое платье, чтобы достойно встретить грядущие перемены. Впереди сияющее счастье! Оно близко, стоит лишь протянуть руку...

– Кузина!

Алина вздрогнула и открыла глаза. Перед ней стояла пылающая гневом женщина с рапортом в руках. Кудрявая челка на лбу и бумага сотрясались в такт от внутренних клочкотаний.

«Эк, ее разбирает», – подумала Алина, вскакивая с насиженного места.

– Заходите!

В приемной никого не было. На стенных часах – девять вечера. Прием явно затянулся.

Алина прошла в полуоткрытую дверь, не чувствуя под собой ног.

– Проходите! – негромко, но властно повелел чей-то голос издалека.

Алина пригляделась. За столом сидел вполне симпатичный мужчина, не старый, но и не молодой. Не злой, но и не добрый. Неопределенный какой-то. Серединка на половинку.

– Что у вас? – спросил мужчина, с любопытством глядя на Алину.

– Вот это, у меня тут рапорт, – пролепетала она и положила бумагу на стол.

– Рапорт уже у меня, а у вас в руках ваша аттестация. Из управления кадров принесли, – бесстрастно пояснил мужчина.

– А-а, – сказала Алина, ничего не поняв из сказанного. Помолчала и добавила: – А-а!

Мужчина иронически поджал губы. Алина побелела от ужаса. В организме произошли странные изменения. Язык онемел, челюсти стали тяжелыми, словно в них залили цемент. И вообще она вся как-то зацементировалась от страха и ужаса.

– Почему именно вам поручили дело? – спросил мужчина, надевая очки в золотой оправе. – И почему не приехал сам Батанов?

– А он на задержании! – выпалила Алина и снова онемела.

– Да-да, мне говорили, – он кивнул, посмотрел на нее и улыбнулся. – Да вы присаживайтесь. Успокойтесь. Объясните ситуацию.

Алина смотрела на него белыми глазами и понимала, что подробностей дела не помнит. И самого дела не помнит. Все вылетело из головы. Имена, фамилии, адреса, даты. Да, она прочитала сводку, да ознакомилась с делом, но в голове ничего не осталось. В памяти не задержалось ни одного эпизода преступной деятельности группы угонщиков.

– Так, понятно! Будем молчать?

Странный вопрос. Как она может говорить, если у нее отнялся язык.

– Игорь Иванович, пост наблюдения необходим для задержания особо опасной группы. Батанов выделил мне в помощь сотрудников отдела и транспорт. Горюче-смазочные материалы получены в достаточном объеме.

Алина содрогнулась. Откуда взялись эти горюче-смазочные материалы? Она никогда не слышала о них. В помощь ей никого не выделили. Она вспомнила ухмыляющуюся физиономию Степаныча и вздрогнула. Хорошо, что отчетство начальника управления не перепутала.

– Что ж, неплохо, неплохо, главное, что ГСМ в достаточном объеме, – сказал Игорь Иванович, – но моей подписи недостаточно. Нужно еще подписать в наружной службе. А у них сейчас аврал. Сами понимаете, Новый год на носу. Поезжайте туда, а я позвоню. Иначе вас не пропустят. И тогда у вас тоже будет аврал.

– Слушаюсь! – по-военному коротко отчеканила Алина.

От чрезмерного усердия Кузина свела пятки. Послышался глухой стук. Алина покраснела. Совсем зарাপортовалась. Игорь Иванович мягко улыбнулся. Кузина поморгала в ответ и выскользнула из кабинета начальника. Она помчалась к выходу, не обращая внимания на женщину у окна, впрочем, не преминув посмотреть на себя в зеркало. Отражение не радовало. На Алину смотрело слегка растрепанное и взъерошенное нечто, мало похожее на красивую девушку. Вспомнился улыбчивый Игорь Иванович. Почему все высказывают от него, словно побывали в преисподней? Ведь он вполне симпатичный мужчина. И улыбка у него добрая. Через минуту Кузина уже догоняла убежавший троллейбус.

* * *

Поздний вечер. Пустая приемная. У окна привычная женщина. Алина положила документы на стол. Присела в дальний угол и задумалась. У этой женщины такая же челка, тот же мейкап. Кажется, это двойник той, у окна, с кудряшками. Наверное, сестры-близнецы. Почему они такие сердитые? Их кто-то обидел? Может, из окна дует? Алина зябко поежилась. Сквозняк. На улице конец декабря. Безжалостное время распределилось по минутам. Кажется, оно четко отстукивает прощальную мелодию. Седьмая нота повисла на нуле. Алина обреченно бродила взглядом по потолку. Пересчитала все трещинки и выбоинки, но сбилась со счета и принялась считать заново.

– Кузина!

Алина вздрогнула, словно услышала фамилию незнакомого человека. Если посидеть с недельку в приемных, забудешь не только свою фамилию, но и имя с отчеством.

– Входите!

Алина робко протиснулась в дверь. Она уже плохо соображала, но все-таки подумала, что к ночи любые ворота покажутся калиткой.

– Что у вас? – спросил хмурый человек за столом.

– Вот. Документы. Я от Игоря Ивановича. Он должен был вам звонить.

Алина жалобно смотрела в глаза портрету на стене, не понимая, кто на нем изображен. И не президент, и не министр. Их бы она сразу узнала.

– Никто мне не звонил! Нет, нет и нет! – решительно сказал человек за столом, читая рапорт. – Нет возможности. Я сам позвоню Игорю Ивановичу.

Мужчина решительно снял трубку. Алина испуганно вздрогнула. Ей захотелось превратиться в маленькую серую мышку, чтобы слиться с вечерними сумерками. Тень от лампы старинного образца скрывала лицо мужчины, но Алина ясно видела крючковатый нос и нависшие веки. Она мысленно ругала себя за самонадеянность. Не нужно было соваться в эти мужские игры.

– Да, Игорь Иванович, приветствую. Да, симпатичная такая девица. Сидит, смотрит на меня и дрожит от страха. Да что вы говорите? Как пять минут назад?

Мужчина посмотрел на часы. Перегнулся через тень от лампы, зажал трубку и спросил, не скрывая удивления, смешанного с некоторой долей восхищения: «Вы когда уехали из управления?»

– Давно, – пробормотала Алина.

Ей казалось, что прошла вечность.

– Да? А Иванович говорит, что пять минут назад вы были у него. Ну и скорость у вас! Быстро бегаете.

Алина опустила голову. Все перемешалось. Время уплотнилось. Казалось, она ехала полтора часа, а выходит, что летела на космическом корабле. И в приемной сидела недолго. Плотность времени больше пугала, чем радовала. Лучше бы задержалась чуть-чуть, чтобы отодвинуть грядущие события на неопределенный срок.

– Да подпишу, подпишу, Иванович! Дело важное. Понимаю. С наступающим!

Мужчина положил трубку и сказал обрадованной Алине: «Подарок тебе на Новый год. За скорость. За пять минут примчалась. Давно я таких не встречал. Смотри, не подведи!»

– Не подведу! Не подведу! – крикнула Алина и, прижав драгоценный документ к груди, побежала к выходу. Ей казалось, что она бежит красиво, как в кино, но изумленный мужчина лишь покачал головой, когда Алина зацепилась курткой за ручку двери. Немного подергав край куртки, Кузина освободилась и полетела дальше. Она спешила. Теперь ей хотелось совершить что-то важное и большое. Она уже забыла, что карьера для женщины – второстепенная цель. Алина успела зарегистрировать рапорт в канцелярии, вернулась в приемную и попрощалась с женщиной у окна, при внимательном рассмотрении оказавшейся вполне миловидной особой не только внешне, но и внутренне. Алина отметила, что и улыбка у нее доброжелательная. И в троллейбусе было тепло и уютно. Пассажиры, нагруженные новогодними пакетами, выглядели добропорядочными гражданами.

«Какая-то прямо рождественская сказка, – подумала Алина, – еще утром я видела жизнь в черном цвете, а к вечеру мир стал добрым и улыбчивым. Разве такое возможно?»

Алина мысленно торжествовала. Она одержала первую победу. Впрочем, первые завоевания достались трудно, пришлось немного помучиться, зато есть чем гордиться. Она посмотрела в окошко, поправила челку, полюбовалась собой и вдруг похолодела от ужаса. А что дальше? Дальше-то что?

* * *

Утро следующего дня оказалось еще хуже предыдущего. Алина с трудом просочилась мимо караула из трех мужчин, стоявших у входа в отдел. Это были жертвы преступлений. У них угнали любимые игрушки накануне Нового года, именно в то время, когда нужно перемещаться по городу с удвоенной скоростью, чтобы успеть завершить дела к празднику. Неприкрытое страдание обезобразило три уверенных мужских лица. Кузина поморщилась. Если выразить соболезнование – побьют. С них станется. Особенно выделялся один – брюнет с гордой посадкой головы. Прямая спина, накаченный торс, крутые бицепсы. Профиль мужчины просился на обложку мужского журнала, рекламирующего нижнее белье для геев. Алина согнулась в три погибели, изображая из себя мышку-норушку, и проскочила в отдел незамеченной. Три страдающих фигуры остались торчать на крыльце.

У двери своей каморки Алину ожидала новая напасть, на полу лежала какашка. Самая настоящая. Кузину затошнило. Это же издевательство! Садизм в чистом виде. Она присела на корточки и вдруг поняла: что-то здесь не так. Ах, да, от какашки не пахло, хотя вид она имела совершенно гнусный. Алина немножко подумала, затем взяла какашку в руки. Да это же

игрушка! Пошлая, но смешная, из дорогой пластмассы. Товарищи офицеры изволили пошутить. Алина мысленно перебрала всех, с кем имела честь служить в одном отделе, но ни один сотрудник не тянул на инициатора глупой шутки. Кузина еще долго бы сидела с пластмассовой кашкой в руке, но в конце коридора послышались шаги. Она вскочила и юркнула в каморку. Посмотрев на свое отражение в зеркале, усмехнулась. Это не честно! Хотела ловить преступников, лови, но не плачь. Не получается – переведись в другую службу, только не доводи людей до греха. Кто же додумался до такой шутки? Получается, некто ходил в магазин приколов и, выбрав там кусок пластмассового дерьма, подбросил Кузиной под дверь. Как к этому отнестись? Сделать вид, что не заметила? Положить на стол Батанову? Она ведь в его группе числится. Отдать в канцелярию? Нет, ни один из вариантов не подходит. Мужчины невзлюбили ее, теперь будут изводить любыми средствами, лишь бы избавиться от раздражающего фактора в их сложной мужской жизни.

Алина зажмурилась. Почему всегда все в черном цвете? А вдруг кто-то из оперов таким способом пытается за ней приударить? Кузина хлопала глазами. Вряд ли... Вряд ли кто-то станет ухаживать за девушкой столь нелепейшим образом. Нужно что-то предпринять, но что? Совершенно точно, оставлять это дело нельзя. Ему надо дать ход. Если не зафиксировать факт, в следующий раз подбросят гранату. В уголовном розыске, как в уголовном розыске. Служба приравнивается к военным действиям.

* * *

Константин Петрович Батанов проводил совещание. Он был хмур и озабочен. Хмуро оглядывал одним глазом оперсостав, второй был устремлен на телефонный аппарат образца Первой мировой войны. С него поступали звонки от вышестоящего руководства. Сегодня аппарат молчал. Батанову поминутно становилось плохо от этого подозрительного молчания. Лучше бы все звонили и ругались, была бы какая-нибудь ясность.

– А где Степаныч?

– Придет к двенадцати. Он же у нас свободный художник, – засмеялся один из оперов.

– Не художник, а фрилансер. Степаныч живет по законам джунглей, – развеселился его сосед.

– Отставить! – рявкнул Батанов. – В гробу я видел этого Степаныча! И в белых тапочках. Это он спровоцировал нашу аналитичку и отправил ее к Игорю Иванычу с рапортом.

– Ооооо! – дружно заржали опера. – И что сделал Иваныч с нашей аналитичкой? Расчленил на анализы?

– Отставить! – сурово сдвинул брови Батанов. – Случилось страшное и непоправимое горе. Игорь Иваныч подписал рапорт Кузиной, но это еще не все, – Батанов выдержал многозначительную паузу: – Аналитичке подписали рапорт в наружной службе!

– Нифигасы! – хором выдохнули опера. – Не может быть!

– Может, – поник головой Батанов, – может. В наше странное время все может быть. Сволочь он, этот Степаныч! Меня уговорил, дескать, давай, подпиши ей рапорт, иначе от нее не избавишься. Мол, в управлении ее в приемную не пропустят, с порога прогонят, так как должностью не вышла по управлениям бегать, и до Иваныча она просто так не доберется. А за самовольство получит такую взбучку, что после этого сама уволится, а мы уж как-нибудь прикроемся. А Кузина взяла и всех уделала. И как ее пропустили? Ирина Александровна просмотрела, что ли...

Наступило тягостное молчание. Опера понурились.

– Ирина Александровна нюх потеряла. Меня и то не записала на прием к начальнику управления, а тут эту финтифлюшку к самому Иванычу пропустила. Во, времена настали! – прервал паузу Слава Дорошенко.

– Да уж, наша Ирина Александровна «к старости слаба глазами стала...», – поддакнул Дима Воронцов, прославивший в отделе самым начитанным сотрудником. Он к месту и не к месту любил сыпать цитатами из классиков, особенно чтит Крылова, видимо, что-то роднило бывалого опера со знаменитым баснописцем.

– «Наша», – передразнил Батанов, – когда это Ирина Александровна нашей стала? Она обезьяна с чужой ветки.

– С высокой, нам туда не добраться, – польстил начальнику Слава Дорошенко.

– Мужики, что делать будем? – изрек Батанов и обвел взглядом насупившихся оперативников.

– Ничего! Ничего делать не будем, – загалдели мужчины, – зачем делать? Новый год на носу. Встретим Новый год, а там видно будет...

В это время раздался звонок, по обыкновению, тревожный и напряженный. Батанов осторожно, двумя пальчиками снял трубку, подержал ее на весу и лишь после этого нежно прижал к уху.

– Да. Батанов. Слушаю.

Трубка гневно зарокотала. Барабанной дробью рассыпались в кабинете отголоски разъяренного баса. Оперативники молча опустили головы. Зрелище не для слабонервных. Бритые затылки с проплешинами, словно нераспустившиеся бутоны фантастических цветов-мутантов, создавали видимость причудливой композиции. Батанов, с прижатой к уху трубкой, вытянувшись в кресле, молча рассматривал странные цветы, внезапно расцветшие на утреннем совещании. Начальство любит устраивать разносы в такое время. Бас из трубки внезапно смолк. Послышался треск, хрипы, всхлипы растревоженной связи, и вдруг наступила оглушительная тишина. Опущенные бритые затылки оперсостава, вытянувшийся почти до потолка Батанов с эбонитовой трубкой вместо дирижерской палочки – именно такую картину увидела Кузина, влетевшая в кабинет с пластмассовой кашкой в руке.

– Вот!

Дрожащей рукой Алина положила игрушку на край стола. Батанов передернулся и бросил трубку на аппарат. Рычаги угрожающе клацнули.

– Что это?

– Вот! Это дерьмо.

– Что-о-о?

Опущенные затылки начали медленно подниматься. Послышались приглушенные смешки и хихиканье.

– Отставить!

Бритые затылки послушно опустились. Кузина похлопала глазами. Батанов никак не мог выйти из ступора.

– Что э-э-т-т-т-о-о-о-о?

– Дерьмо. Под дверь подбросили. Утром.

Кузина хотела добиться справедливости. Если война – то война честная, по правилам.

– И что? – ярился Батанов. – Какое ты имеешь право врваться на служебное совещание с этим?

Константин Петрович кивком указал на игрушку. Этим он хотел подчеркнуть профессиональную несостоятельность Кузиной и ее ничтожество.

– Во-первых, Константин Петрович, по должности я тоже обязана присутствовать на совещании. Во-вторых, если бы вам подбросили вот это, вы бы тоже рассердились. Вы бы, я не знаю, что сделали!

– Линок, это потерпевшие балуются, – не выдержал Дима Воронцов. – Устали ждать, когда ты вернешь им машины. Вот и решили взбодрить тебя.

– Я не Линок, я – Алина Юрьевна! А на угонах я всего лишь второй день.

– Отставить! – взревел Батанов.

Снова потянулась тягостная и томительная пауза. Алина стояла у стола, горделиво оглядывая оперсостав. Это была минута торжества. Полной и безоговорочной справедливости. Все было по-честному.

Батанов пересилил себя. Для овладения собственной волей ему понадобилась ровно одна минута. Константин Петрович опустил плечи и принял свой обычный вид.

– Присаживайся, Кузина, вливайся, так сказать!

Справедливость победила. Можно было крикнуть «ура», сплясать гопака, заорать от восторга, запеть, в конце концов, но сесть было некуда. Все места за столом заняты. Никто из сотрудников не предложил ей стул. Они даже не привстали для приличия. Алина вспыхнула, но быстро погасла, словно под дождь попала, и, осмотревшись, присела на низкий диванчик в углу. Обычно там полулежал нынче запропастившийся куда-то Степаныч. В его кресло она не решилась сесть. Если нагрянет, шума не оберешься. Она до сих пор не понимала роли этого человека в отделе. Ведет себя, как хозяин, всеми распоряжается, понукает, имеет в личном распоряжении диван и кресло, а когда возлежит на них, рассуждает исключительно о смысле жизни. Вроде бы никчемный человек, но все его ждут, спрашивают, когда придет, и восторженно радуются, когда он появляется.

– Итак, что мы имеем на десерт? – нервно провозгласил Батанов.

Разом, как по команде, мужчины посмотрели на часы.

– В сухом остатке мы имеем наблюдательный пост на Новый год и незакрытый график дежурства. Есть желающие поработать?

На часы никто не смотрел. И в глаза друг другу старались не заглядывать, боясь прочесть в них правду.

– Я могу подежурить в новогоднюю ночь! – подала голос Алина.

Все, включая Батанова, повернулись в ее сторону. Они смотрели на нее сверху вниз, как на собачку, просящую еды. В какой-то миг Алина и впрямь ощутила себя маленькой таксочкой, чихуа-хуа и еще кем-то, но, постепенно уменьшаясь, превратилась почему-то из собачки в крохотную птичку.

– А ты знаешь, что такое – осмотр места происшествия? – спросил Воронцов каким-то замогильным голосом.

– Да! – гордо тряхнула головой Алина, отчего ее дивные волосы взметнулись и опали, как прошлогоднее сено.

Да, Кузина, слава богу, знала, что такое – осмотр места происшествия. Именно на этой лекции она присутствовала и тщательно ее записала. Впрочем, она еще ни разу не осматривала место совершения преступлений. Ее никогда не направляли на происшествия. И сейчас боялись доверить столь важное занятие симпатичной блондинке. Мужчины считают коллег женского пола легкомысленными и недоразвитыми существами. Алина тяжело вздохнула. Несправедливо считать глупой девушку, толком не зная ее. Вполне возможно, что в данную минуту она превратилась в птичку, но не легкомысленную, а вполне себе сообразительную. Алина сжалась в комок, чтобы стать еще меньше и невесомее. Так легче выдержать испытующие взгляды оперативников во главе с руководством. И вдруг пружина разжалась. Копна белокурых волос взметнулась к потолку.

– Знаю! – провозгласила Алина достаточно твердым тоном. Она вернулась в свое нормальное состояние. Птичка выросла в орлицу.

– Да уж! – воскликнул Воронцов, явно не поверивший Кузиной.

– Отставить! – рявкнул Батанов. – Внеси ее в график.

Константин Петрович кивнул Дорошенко. Слава послушно застрочил в спецтетради. Кузина ошеломленно озиралась, в кабинете стало подозрительно тихо. Никто не смеялся, не подшучивал. Всем стало как-то не по себе. Воронцов исподволь сверлил глазами Батанова,

мол, ты что, совсем? Константин Петрович будто не замечал направленных на него, острых, как шпаги, взглядов взбешенных мужчин.

– Все, шеф, Кузина в графике, – сказал Дорошенко, и все шумно выдохнули.

Затем посмотрели на часы и заулыбались, мигом забыв про Алину. Она уже сидела на диванчике и тихо грустила. Добилась своего, а что дальше делать? Делать-то что теперь?

Опера шумно задвигали стульями, вставая из-за стола, зашуршали бумагами, защелкали и затренькали телефонами. Алина с трудом поднялась с низкого дивана: колени затекли, мышцы онемели, и молча вышла, оставив на столе начальства кусок пластмассового дерьма. Когда Кузина вышла, Батанов выругался и сказал, обращаясь к оперсоставу:

– Дерьма больше не подбрасывать. Увижу – убью!

Сотрудники недовольно запыхтели, мол, что, уже и пошутить нельзя?

– В Новый год не расслабляться! Пост будет работать, – продолжал Батанов. – Придется подстраховаться. На телефонах Дорошенко. На задержании Воронцов.

– А вы? – спросил Слава. На его лице читалось явное недоумение.

– Я тоже на задержании.

Батанов беззвучно выругался. Оперсостав молча выразил ему сочувствие. Ворон ворону глаз не выклюет.

* * *

Зеркало нагло отблескивало серебряной гладью. Алина отворачивалась от него, стараясь не видеть пушок на щеках. Нет, пушок есть, и в большом количестве. Мама сказала, что пушок – к лицу Алине, что она выглядит, как персик, но от маминых слов стало еще хуже. Кузина всхлипнула. Почему изъяны на теле и душе выползают в самые неподходящие моменты жизни? Этот пушок на щеках и шее был всегда. Раньше он вызывал у Алины умиление. Ей нравилось быть «пэрсиком», но розовый период жизни безвозвратно прошел. Настали суровые будни. Куда теперь с этим пушком? Опера засмеют. Алина Юрьевна стала боевым офицером. Она в группе по борьбе с угонами. Кузина отвернулась от наглого зеркала. Выкинуть его на помойку! Купить новое. От хорошего зеркала зависит будущее девушки. Какое отражение, такая и судьба.

С этими мыслями Алина выскочила на улицу и проскочила мимо потерпевших на крыльце. Пусть померзнут. Не до них тут. Кузина попрыгала на одной ножке, пытаясь вспомнить, где она видела косметический магазин. Поблизости ничего подходящего не было – надо бежать до станции метро. Погоня за красотой до тундры доведет. Лишь бы прок был. А то от зеркала тошнить стало. Алина помчалась в магазин со скоростью северного усиленного ветра, дующего, кажется, восемнадцать метров в секунду.

В небольшом помещении толпились женщины разных возрастных групп, от двенадцати лет и до девяноста семи. Дамы покупали себе новогоднюю радость в виде духов, кремов и помад различных оттенков. Воздух настолько пропитался божественными ароматами, что у Алины закружилась голова.

«Как бы в обморок не грохнуться, – подумала она, – а то, не дай бог, вызовут «Скорую», а у меня на щеках пушок. Позор-то какой!»

– Девушка-девушка-девушка! Я спешу, какой крем-депилятор мне подойдет?

– А я откуда знаю? – вопросом на вопрос ответила продавщица.

– А кто мне поможет? – расстроилась Алина.

– Господь Бог вам поможет!

В магазине стало потише. Покупательницы невольно прислушивались к странному диалогу. Вместе с тишиной ушла праздничная атмосфера. Духи, кремы и депиляторы утратили

свое значение. Бликующая фольга и сверкающая люстра приглушили огни. Кассы прекратили отстукивать проценты со скидок.

– Ладно, – прошептала Алина, – я сама посмотрю.

Она долго выбирала крем-депилятор, пока хамоватая продавщица не сжалилась над ней.

– Вот этот самый лучший, – она протянула Алине небольшой разноцветный тюбик, – фитокрем.

– А для лица он подходит?

– Конечно! Он же с полынью.

– Хорошо, что не с марихуаной, – съязвила Алина, кося взглядом на ценник.

Цена нормальная. Триста рублей нынче не деньги.

Продавщица оцепенела от язвительной реплики. Вжалась в витрину всем телом, словно желая лечь на нее, чтобы слиться с тюбиками и баночками, лишь бы не нахамить в ответ. Ей до такой степени хотелось отчитать наглую покупательницу, что сдерживаться не было сил, но нарваться на жалобу перед Новым годом? Лишиться премии? И порыв хамства был подавлен в зародыше.

Кузина мгновенно оценила ситуацию. Она победила. Хамство отступило на два шага назад. Кажется, Алина Кузина постепенно вырабатывает привычку побеждать. Только так можно выжить в этом безумном мире. Сунув крем в сумочку и оставив триста рублей на кассе, Алина гордой походкой вышла из магазина. Надо забежать домой, пообедать, убрать пушок и вернуться в отдел. Заметано! Алина на ходу вскочила в троллейбус и уже через пятнадцать минут была дома. Сначала убедилась, что в квартире никого – слава богу, мама на работе; затем бросилась к зеркалу и принялась натирать кремом щеки и подбородок. Результат порадовал. Через пять минут на лице не осталось ни одной пушинки. Из чего Алина сделала вывод, что крем-депилятор сгодится для уничтожения расплодившегося на территории всей страны странного и страшного растения под названием «борщевик». Алина похлопала по щекам, проверяя качество депилятора. Получилось неплохо, под пальцами ощущалась гладкая и нежная кожа, прелестная, как у ребенка, правда, щеки слегка горели, но это лишь украшало лицо, делая его еще более тонким и привлекательным. На скулах огненный румянец, губы в поллица, свежий тон; да, сегодня можно обойтись без макияжа. Алина нашла в холодильнике кусок холодного мяса и съела его стоя, закусывая огурцом. Если бы мама увидела столь поэтическую картину, семейный скандал совершенно точно вышел бы за пределы не только квартиры, но и микрорайона. Мама Алины на дух не переносила, когда принимали пищу стоя. Есть нужно только сидя за столом, с салфетками и приборами, не путая очередность блюд.

– Все, мама, обед закончен! – вслух произнесла Алина и бросилась к выходу.

На улице она вспомнила, что не посмотрелась в зеркало, но не возвращаться же? Она побежала на остановку, каждую секунду посматривая на часы. В этот раз незаметно просочиться в отдел не удалось. На крыльце Кузину перехватил потерпевший с гордым профилем.

– Это вы – лейтенант Кузина? – жестким тоном спросил обладатель римского носа.

– Нет! – крикнула Алина, деревенея от страха.

Она еще никогда не разговаривала с потерпевшими. Она даже не знала, о чем нужно говорить с жертвами преступлений.

– Да, – прошептала она после недолгого размышления, видимо, когда-то придется начинать. Час «икс» настал. Роковая минута подобралась неожиданно и с разбегу.

– Так «да» или «нет»? Пройдемте! – зловеще произнес гордый римлянин и, схватив Алину под локоть, провел ее в дежурную часть. Она попыталась вырваться, но безуспешно.

– Товарищ дежурный, это лейтенант Кузина? – проорал мужчина полицейскому за перегородкой.

– Лейтенант-лейтенант, – пробормотал утомленный дежурный, – Кузина это, Кузина!

– А-а, – обрадовался потерпевший, – так вы и есть лейтенант Кузина! А я вас уже видел. Видел и не однажды. Вы часто пробегали мимо меня.

– И что? – нахмурилась Алина.

– А то, что вы обязаны держать меня в курсе дела! – вскричал мужчина с римским профилем. – Я должен знать, как идет расследование.

– Должны, – уныло согласилась Алина. – Должны.

– Пройдемте! – не отступал от своего мужчина. – Где у вас помещение?

– Какое помещение?

– Ну, этот, офис, что ли? Место, где вы ведете дознание?

Кузина тяжело вздохнула. Придется вести этого наглеца в кабинет, точнее, в каморку.

– Пройдемте, – она вытащила локоть из цепкой хватки и прошла вперед, готовясь к трудному испытанию.

* * *

Константин Петрович разложил на столе бумаги по делу «угонщиков». Степаныч, развалившись в кресле, наблюдал за ним из-под насупленных бровей.

– Чего надулся-то?

Батанов сосредоточенно разглядывал план района, истыканный вдоль и поперек кнопками с разноцветными шляпками.

– Чего молчишь-то? Руководство зад начистило? – хихикнул Степаныч. – Оно умеет чистить. С золой и шелоком. Не переживай. Зато чистый всегда будешь. Чистка – она всегда на пользу.

– Степаныч! – продудел Батанов. – Заткнись!

– Эх, Константин Петрович, Константин Петрович, вечно ты недовольный, а как чуть что, сразу ко мне бежишь, мол, помоги, Степаныч. А я ведь тоже живой человек. Мне доброе слово приятно, а не эти твои «заткнись».

– Не ворчи, Степаныч, лучше скажи, что делать с аналитичкой? Она в график записалась, какашку мне на стол кинула прямо на совещании и у Иваныча рапорт на пост подписала.

Степаныч, услышав новость, только присвистнул:

– Ох, и ни хрена себе! Ну, дает девка стране угля, мелкого, но много. А как же Иваныч-то, он же кремень! Он за свою подпись всю душу вынет, но не подпишет. Как же так?

– А вот так, Степаныч! – невесело рассмеялся Батанов. – Взял и подписал. Ирина Александровна пропустила. Народ спрашивал, проглядела, говорит...

– Эх, Ирка, совсем старая стала, нюх потеряла, – вздохнул Степаныч, – в молодости она весь главк в кулаке держала. Одним мизинцем генералов давила. Блондинок на дух не переносила. А тут...

Оба погрузились в невеселые размышления.

– Ты, Петрович, не переживай, – встрепенулся Степаныч, – она все равно маху даст. Не там, так здесь проколется. Ты посмотри на нее, дура дурой!

– Дура-то дура, а свои три копейки имеет. Должность теплая, не хлопотная, девушка пробивная, как ты уже убедился...

– И ты тоже убедился, не только я, – вскочил Степаныч, – мне-то что? Я тут прихлебатель, пенсионер на полставки, а ты начальник. Целой группой командуешь. Тебе и отвечать за девкины проколы.

Батанов промолчал, продолжая втыкать в план района новые кнопки.

– И сама уходить не хочет, и другим не дает работать, взяли бы на ее должность парня толкового, – проворчал Степаныч, усаживаясь поудобнее. Послышался хруст костей.

– Эх, если бы не мои кости, я бы вам дал жару! – пригрозил кому-то Степаныч, вкладывая в угрозу всю еще не усмирившуюся страсть к делу.

– Степаныч, здесь я – главный дирижер! А ты в пристяжных ходишь, – примирительно заговорил Батанов.

– Пристяжной-пристяжной, а ты дубинкой дирижируешь! – разозлился Степаныч. – У тебя вся музыка из-под палки.

– Ты еще вспомни, как вы за идею горбались, – скривился Батанов. – Угомонись! Давай лучше подумаем, как мы Новый год отработаем?

– Не мы, а ты. Тебе надо, ты и думай! – отрезал Степаныч. – Я привык встречать Новый год в кругу семьи.

План района зашевелился и чуть не упал со стола, но Константин Петрович удержал его, успев перехватить в полете.

– Угомонись, Степаныч, я не предлагаю тебе работу под Новый год, знаю, что ты уже отпахал свое. Мы с тобой должны покумекать, как расставить силы 30, 31 декабря и 1 января. Усек?

– Усек, – кивнул Степаныч. – Боишься, что влетит тебе за девицу? Я бы тоже боялся... Дура! Я знал, что она такая, но не знал, что до такой степени.

– Какая? – наострил уши Батанов.

– Пробивная. Ее в дверь гонят – она в форточку норовит пролезть. Она не из этих, она из тех.

– Прекрати, Степаныч, тех, этих, таких... Угомонись!

Оба насторожились. Кто-то безуспешно боролся с дверью, а та никак не хотела открываться. Борьба принимала все более напряженные обороты, наконец, дверь распахнулась. Кузина с торжествующим возгласом влетела в кабинет.

– В другую сторону открывается! – воскликнула Алина, щерясь счастливой улыбкой.

«Вот дура!» – одновременно подумали мужчины.

– Здравствуйте, Виктор Степанович! Константин Петрович, потерпевший спрашивает, когда мы вернем ему машину? Что ему сказать?

– Что хочешь, – покачал головой Батанов. – Что хочешь, то и говори. Хоть анекдоты рассказывай. Басни. Песни пой. Ты же опер. Или ты не опер?

– Опер! – насупилась Алина. – Опер. А кто же еще?

– Ну, раз опер, вот и выкручивайся, говори потерпевшему, что считаешь нужным. Так, Степаныч?

– Так-так, – буркнул Виктор Степанович.

– А он кричит, цепляется к словам, ругается, – ябедничала Алина.

– Еще бы ему не цепляться, когда у него тачку за шесть лимонов угнали. Ему что за такие деньги, хвалить тебя надо?

– Нет, зачем же. Хвалить не нужно, но и ругаться не стоит, – посетовала Алина, – от ругани тачка не реанимируется.

– Что? – округлил глаза Батанов. – Не реанимируется? Иди, Кузина, иди, работай! Не пей мне кровь, пожалуйста, а то я жене пожалуюсь. Ей не понравится, что кто-то еще жаждет моей крови. Она не отдаст другой ни капли из моего организма. Кстати, что у тебя с лицом?

– Ничего, – обиделась Кузина, – обычное лицо. Щеки горят немного.

– И не только щеки, у тебя сплошной пожар на лице.

Алина окончательно обиделась и отправилась рассказывать байки и анекдоты обладателю римского профиля. Тот бесновался в камерке: бегал взад-вперед по тесной комнате и что-то бормотал сквозь зубы.

– А-а, это опять вы! – набросился он на Алину, как изголодавшийся пес. – Где вы ходите?

– У начальства была, а что?

Мужчина задохнулся от негодования. Мотал головой, не в силах произнести что-либо членораздельное. В камере потемнело, как перед грозой.

– Я только хочу, чтобы исполнилось мое единственное желание, чтобы исполнялось все, что я хочу! – выпалил мужчина, справившийся с внезапным онемением.

– Вы хоть поняли, что сказали? – вежливо осведомилась Кузина.

Потерпевший замолчал и присмотрелся к Алине:

– А что у вас с лицом?

– Ничего, щеки только горят.

– А-а, – замотал головой мужчина, – скажите, когда вы займетесь моим делом. У меня машину угнали? Я хочу знать, кто это сделал!

– Я тоже.

– А-а, – махнул рукой потерпевший с римским носом, – когда вы, наконец, начнете расследовать мое дело?

– Я и сейчас этим занимаюсь.

– Каким образом?

– Вас слушаю.

– После разговора с вами у меня появился полноценный комплекс неполноценности! – крикнул мужчина, застонал, рывком открыл дверь и исчез в недрах уголовного розыска 133-го отдела полиции.

Алина посмотрела на себя в зеркало. Огромные красные и розовые пятна испещрили добрую половину лица.

«Аллергия! – ужаснулась Алина. – Проклятый чудо-крем. Проклятая продавщица! Она подсунула эту гадость мне назло! Что делать? Делать-то что?»

Алина посидела некоторое время перед зеркалом, затем вспомнила, как мама говорила, что нельзя долго смотреть на свое отражение. Это опасно. От зеркала исходит угроза всяких мистических осложнений. Алина побегала по комнате, мысленно ругая себя и продавщицу. Она напоминала себе потерпевшего с классическим профилем, который только что, как оглашенный, носился по камере, пытаясь найти справедливость в самом несправедливом из миров.

«Что ж, придется ходить с таким лицом! И не только ходить, но и жить. Другого нет и не будет».

Кузина полистала дело, выписала какие-то фамилии и отправилась на поиски потерпевшего с комплексом неполноценности.

* * *

Виктор Степанович угощал кофе незадачливого потерпевшего. Придвинул чашку поближе к краю, сыпанул две ложки растворимого кофе и залил крутым кипятком.

– Кто ж так кофе заваривает? – поморщился мужчина.

– Я так завариваю. Вы лучше скажите, чего вам надо?

– У меня машину угнал-и-и-и-и-и! – заныл горбоносый.

– И что? У всех угоняют. Пока существуют машины, их будут угонять. Или стремиться угнать. Лучше скажите, как вас звать-величать?

– А вам зачем? Вы кто такой?

Вопрос повис в воздухе. Степаныч оглянулся, словно вопрос предназначался не ему. В кабинете никого не было. Батанова снова вызвали в главк на разбор полетов. Виктор Степанович понял, что спросили именно его и приосанился, готовясь озвучить ответ. Он так привык к своему месту в этом здании и на этом этаже, что любой вопрос расценивал, как скрытую угрозу.

– Я – полковник милиции!

– Полиции? – уточнил визави.

– Милиции, я сказал! Милиции. Начальник 133-го отдела. Я бессменно руководил отделом целых тридцать лет. Без отгулов и отпусков. День в день.

– Бывший?

– Бывших не бывает, – миролюбиво вздохнул Виктор Степанович. – Оттрубил тридцать лет, а покою нет. Устроился вот на полставки. Ребята меня уважают. А вас-то как звать-величать?

– Виталий Георгиевич я. Поплавский. Я не один. Нас много. Мы будем жаловаться. Они на крыльце ждут.

– Подождут. Разберемся.

Виктор Степанович забеспокоился. До него дошло, наконец, что Батанов не отделается с этими угонами нашармачка. И в главке отдел засветился, и потерпевшие наседают. Недаром говорят, что грядет год Козла.

– Когда вы разберетесь? Долго еще ждать? Посадили на дело какую-то ненормальную девицу, она вся красная, больная. У нее температура.

– Сказал бы я, что у нее, и какая температура, – проворчал Степаныч, – вы вот что, уважаемый, шли бы домой, а мы здесь похлопочем, чтобы вашу машину дорогую вам вернуть. Прямо к Новому году!

– Не верю! – заупрямился Виталий Георгиевич. – Не верю, и все! Я уйду, а вы сразу забудете про меня.

– Может, забудем, а может, и не забудем. Вы идите, идите, уважаемый, жене помогите, салаты там порежьте, картошечку почистите. Глядишь, все само собой рассосется.

– Какие салаты? Ну уж нет, уважаемый! Ничего не рассосется. Я жалобу напишу! Мы напишем. Нас много! Думаете, у нас безвластие? Я найду на вас управу!

– Это какую управу вы пойдете искать? – прищурился Степаныч.

– Какую надо, такую и найду! Мало вам не покажется, – с этими словами Виталий Георгиевич выскочил из кабинета.

По пути он чуть не сшиб Кузину. Она пошатнулась, задрожала, даже каблук вроде как подогнулся, но устояла. Алина вздохнула, покрутила пальцем у виска и приступила к борьбе с дверью. На этот раз Кузиной повезло – борьба продолжалась недолго. Степаныч подумал, что Поплавский одумался и решил помочь ему открыть дверь. Увидев Алину, бравый пенсионер сдуслся. Улыбка растаяла, рот запал. Степаныч, кряхтя, уселся в кресло.

– Что это ты покраснелась, девушка?

– Какая я вам девушка, Виктор Степанович? Все девушки на улице. А я лейтенант полиции Алина Юрьевна Кузина.

– Ну-ну, лейтенант так лейтенант, хоть капитан, я что, я не против, – заворчал Степаныч, передвигая чашки на столике. – Лучше скажи, как ты угонщиков собираешься хватать? Они ж от тебя убегут. Как увидят болячки на лице – сразу спрячутся. Век не догонишь!

– Какие болячки? А, Степаныч, не обращайтесь внимания, это аллергия на чудо-крем. В магазине подсунули. Вечером пойду разбираться.

– Ты разберешься, как же! Скромность украшает. Всю красоту потеряла. Получилась скромная, но не стильная. Не пойдут опера с тобой на задержание. Не пойдут.

– Виктор Степанович, миленький, а почему не пойдут?

– Страшная ты стала. Как ведьма прямо. А ведь была хорошая девчонка. А сейчас тьфу, и все! стыдно на люди показаться. Ты иди, иди, работай!

Алина хотела спросить, мол, куда идти, и как работать, но застеснялась. Это не честно. Сама должна справиться. Она вздернула подбородок и вышла, не попрощавшись. В кори-

доре толпились оперативники. Увидев Алину, мужчины громко заржали. Кузина остановилась, подумала и тоже засмеялась. А что было делать-то?

* * *

На часах было около шести. Мама должна быть дома. Она возвращается в пять. Алина припустилась бегом. Мама вылечит. Стоит ей узнать, что опера не берут любимое дитя на задержание из-за нетоварного вида – сразу от всех напастей избавит. У мамы золотые руки и любящее сердце. По запаху жареной рыбы, доносившемуся из-за двери, Алина поняла, что не ошиблась. Мама готовит ужин. Аромат на весь квартал. Кузина не стала звонить, открыла дверь своим ключом.

– Мама! Мне нужна срочная помощь!

– Что случилось, доченька?

Окутанная кухонными ароматами, мама бережно обняла дочь, затем отстранилась и спросила:

– Говори, чем лицо угробила?

– Мам!

– Не мамкай! Говори! Признавайся!

Алина принесла из комнаты чудо-крем. Обошлось без объяснений. И без комментариев мама поняла, что случилось с дочерью.

– Да, даже в Роспотребнадзор не пожаловаться, – произнесла мать, с грустью рассматривая цветную наклейку на тюбике.

– Почему? Я хочу устроить им разгон!

Алина жалобно посмотрела на мать. В трудные периоды жизни Алина, как в детстве, любила называть маму Пуней.

– Ну, Пуня! Помоги, родная, мне нужна срочная помощь. Антигистаминные препараты обещают результат через пару дней, а за это время меня уволят с работы.

– Успокойся, таких, как ты не увольняют. Сейчас я тебя вылечу. Иди сюда! – Пуня потащила дочь в свою комнату.

– Каких – таких? – заинтересовалась Алина.

– А вот таких!

В полумраке комнаты мерцал странный свет. На круглом столе стояла лампа причудливой формы.

– Откуда у тебя эта лампа? – спросила Алина, увидев за лампой небольшой аквариум с мелькавшими в нем существами.

– Садись! Молчи. Сейчас будем лечиться. От мошенников проходу нет, с каждым днем их все больше и больше. На дур рассчитано – продают чудо-кремы без аннотаций.

– Мам, ты что, считаешь меня душой? – спросила Алина, разглядывая себя в зеркале.

– Нет, доченька, не считаю, но... – мать многозначительно замолчала.

– Что «но»? Так дура я или нет? – Алина подступила ближе к матери.

Все равно отражение не радовало. Красные пятна распространились по обеим сторонам лица. С такой внешностью увозят на «Скорой».

– Не дура ты, не дура, но с подковыкой, – пробормотала мама.

– С подковыкой?

– С подковыкой. Не знаешь, чего от тебя ожидать. С тех пор как я тебя родила, каждую минуту жду какой-нибудь неприятности. И ведь не нарочно ты все это делаешь! Не нарочно. То ли у тебя с мозгами что-то не в порядке, то ли ты такая наивная, не знаю...

Алина шевелила губами, от ярости потеряв остатки самообладания. Воистину, все обиды нам наносят не опера в отделе, а самые что ни на есть близкие люди.

– Ох, мама, вечно ты!

Алина почувствовала, что по пылающим щекам поползли предательские слезинки. Она наклонила голову, и слезы остановились на полпути.

– Где твои лекарства? Ты обещала меня вылечить. – Алина сморгнула слезы.

«Когда-нибудь выплачусь до предела, буду так рыдать, что все слезы разом выйдут и больше не вернуться», – подумала она.

– Сейчас-сейчас, – копошилась мама у лампы.

– Что у тебя там?

Алина пыталась разглядеть странный аквариум. Полутемная комната навевала мистические настроения. При ярком освещении пространство выглядело уютным и современным, но в эту минуту все было окутано загадочными предзнаменованиями.

– Вот! Я буду лечить тебя пиявками!

Алина упала в кресло. Она снова почувствовала слезы в глазах. И эта женщина считает, что может называть родную дочь дурой? Сама такая! Пиявками лечиться. Ненормальная! Алина едва сдерживалась, чтобы не высказать вслух все, что накипело на душе.

– Доченька! Не смотри на меня, как на палача. Я твоя мама! Я хочу тебе добра.

– Мне не нужно такое добро!

Алина хотела добавить: «И мать такая не нужна!», но не стала испытывать судьбу.

– Алинушка! Я тебе поставлю пиявочку, и вся твоя зараза исчезнет.

– Как она может исчезнуть? Как? Убери, я не могу видеть эту гадость!

Алина клокотала от гнева. Был бы пистолет, убила бы... Всех пиявок!

– Ну, иди сюда, моя маленькая! Представь, ты идешь на работу, а там эти, как их...

– Опера!

– Вот-вот! Опера, туды их в колено. И они смеются над тобой, моей ненаглядной доченькой.

Под ласковые слова матери Алину сморило. Во сне она куда-то бежала, кого-то догоняла, неясный силуэт мелькал перед глазами... Едва она собралась его схватить, связать и повалить на землю, как проснулась от легкого толчка.

– Вот и все! А ты боялась... – укорила мама, наклеивая пластырь на шею Алины.

– Ой, что это?

– Повязка. Не трогай. До свадьбы заживет.

Спорить с мамой уже не было сил. Алина выскочила из дома, успев, впрочем, перехватить пару бутербродов с запеченным мясом и луком. Вкусно!

На крыльце отдела стоял Дима Воронцов.

– Что это у тебя? – крикнул он.

Алина невольно потрогала шею. Наклейка держалась крепко.

– Пуля киллера, – сурово пошутила она.

– Промахнулся, – посочувствовал Воронцов.

– Дурак ты, Воронцов, и шутки у тебя дурацкие, – сказала Алина, гордо цокая каблучками.

– Сама ты дура! – донеслось вслед.

Алина оглянулась, но Воронцова уже не было. Надо будет обязательно найти Диму и потребовать извинений. А то приклеится к ней эта «дура», как нашлепка от пиявок. Не отдрать будет.

* * *

Отражение в зеркале излучало приятный свет. Алина кокетливо вздернула нос. На лице ни паршинки. Наверное, пиявки помогли. Напрасно с мамой спорила. Мать худого не посоветует. Алина потрогала шею. Повязка, как настоящая. С ней Алина похожа на героя. Воронцов

еще пожалеет, что зло пошутил. С девушками нужно обращаться бережно. Все, пора браться за дело. Она собрала документы в папку и направилась к Батанову, но Константин Петрович отсутствовал.

– Он в главке?

– Нет. Отсутствует по уважительным причинам! – сказал Степаныч, катаясь в кресле по кабинету.

– Виктор Степанович, а как много у него уважительных причин? Сколько?

– Не считал! – отрезал Степаныч. – Как закончатся, так и прибудет наш Константин Петрович.

– Плохо дело, – затосковала Алина, – а как же работа? Я же не могу одна!

– Что не можешь? Опер всегда работает в одиночку. А ты кто? Ты и есть опер!

Степаныч в открытую издевался над Алиной. Кузина нахмурилась. Может, поплакать? Горькие слезы растопят жестокое сердце бывшего начальника отдела. Алина покопалась в своей душе. А там – ни слезинки. Номер не прошел. Придется искать другие меры воздействия. Что бы такое придумать?

– Хорошо, Виктор Степанович! Будет исполнено. Я пойду на задержание одна. Мне никто не нужен. Справлюсь! Где наша не пропадала...

С этими словами Кузина вышла из кабинета. Следом приглушенным шепотом понеслись матерки и ругань. Виктор Степанович славился знанием уголовного жаргона. Он был непревзойденным авторитетом по части знания фени. Опера считали его профессором в этой области. Кузина постояла, послушала и, сполна насладившись произведенным эффектом, с торжествующим видом удалилась в свою каморку. Впрочем, порадоваться победе не удалось. У дверей каморки в почетном карауле стоял Поплавский. Алина запнулась, выдержала паузу и, сделав вид, что ошиблась дверью, резко свернула направо. Поплавский опомниться не успел, как Кузина исчезла за углом. Он нервно покрутил греческим носом и отправился на поиски исчезнувшей Кузиной. А она тем временем обивала пороги канцелярии. Марья Петровна подозрительно уставилась на Алину: уж не за выпиской ли из прошлогоднего дела или ответом по запросу пожаловала сюда эта Кузина?

– Марья Петровна, а вы не видели Батанова? – спросила Алина, умильно улыбаясь. В настоящую минуту вся жизнь, то есть прошлое, настоящее и будущее, Кузиной Алины Юрьевны напрямую зависели от присутствия Константина Петровича в отделе.

– Не видела, – Марья Петровна одарила Алину сладкой улыбкой, – я за ним не бегаю. Он мне без надобности.

– А я бегаю, – проворчала Алина, – он мне, ох как нужен!

– У него жена ревнивая, смотри, Кузина, не нарвись!

Канцелярские дамы засмеялись. Алина удивленно посмотрела на женщин. Вот это да! До этой минуты она не воспринимала оперов сквозь семейную призму, а ведь они чьи-то сыновья, мужья, любовники, в конце концов! Глумливый Батанов женат, и его жена известная ревнивица. Надо же! Алина вздохнула и побрела в каморку. Она больше не боялась Поплавского. Он тоже чей-то муж, сын, брат, коллега. Если воспринимать мужчину как единицу без семьи, роду и племени, он выглядит довольно мутно. Говорит с издевкой, ухмыляется, пытается переложить ответственность на хрупкие женские плечи. Если же посмотреть на него с другой стороны, представить мальчиком, подростком, юношей – получится совершенно иная картина. Достаточно живописная. Алина вообразила Батанова первоклассником и расхохоталась. Большоголовый мальчуган испуганно тарасился на хомяка в клетке. От воображаемой картинки стало веселее. Опера превратились в своих парней. Они бывают плохими мальчиками, но, если найти к ним подход, вполне можно подружиться. Напряженная спина Поплавского вызывала сочувствие, а не внутреннее сопротивление, как раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.